

Устроив почтенного старца и его юного спутника, Фэн Бэйцэ вернулся в опочивальню Ань Цзыяня. Ань Цзыпин ни на шаг не отходил от постели старшего брата. Хотя он и знал, что худшее позади и жизнь Цзыяня вне опасности, на душе у него всё равно было беспокойно. Ради брата он даже забросил занятия в Императорском учебном кабинете — сейчас ничто в мире не казалось ему важнее здоровья Цзыяня. Напряжение, ещё недавно царившее в комнате, наконец спало, и слуги вздохнули с облегчением.

Увидев вошедшего папу, Цзыпин поднялся и почтительно поклонился.

— Папа, ты и впрямь собираешься отпустить брата на эту гору Небесного Духа?

— Разве есть другой способ вылечить Янь-эра? — Фэн Бэйцэ с глубокой нежностью и состраданием посмотрел на лежащего без сил сына. В народе говорят, будто рождение в императорской семье — это величайшее благо, но какая радость от богатства и почестей, если тело подтачивает неизлечимый недуг? Уж лучше быть простым крестьянином, но здоровым. Впрочем, Фэн Бэйцэ тут же укорил себя за эти мысли: случись такое несчастье в обычной семье, у них просто не нашлось бы средств на врачей. В этом отношении судьба всё же проявила к имперскому дому милость.

— Но можно ли верить этому врачу? — засомневался Цзыпин. — Неужели он настолько всесилен, что справится с болезнью, перед которой отступились все остальные?

В глазах младшего брата недуг Цзыяня давно казался смертным приговором.

— Разве ты сам только что всё не видел? — мягко возразил Фэн Бэйцэ. — Мир огромен, и в нём полно чудес, о которых мы даже не догадываемся. Взять хотя бы гору Небесного Духа. То, что этот старик сумел скрыть целую гору от чужих глаз, сделав её недосягаемой, уже доказывает его необычайное мастерство. А ведь это, скорее всего, лишь малая часть его истинной силы. Не зря говорят: истинные мастера не любят выставлять себя напоказ. Пин-эр, впредь, что бы ты ни делал, смотри глубже и шире. Будь скромным и терпеливым. Запомни: в поднебесной всегда найдётся тот, кто превзойдёт тебя в умении. Излишняя самоуверенность ведёт лишь к краху.

Фэн Бэйцэ воспользовался случаем, чтобы преподать сыну жизненный урок, и Цзыпин послушно закивал, принимая наставление.

— Выходит, этот старик и впрямь скрытый от мира отшельник? — задумчиво протянул Цзыпин. — Но зачем ему проделывать путь в тысячи ли от северных рубежей страны Юй до самой столицы ради спасения брата? Какова его цель?

Цзыпин знал, что гора Небесного Духа находится на далёком севере, в бескрайних землях Юй. К тому же, судя по словам папы и самого врача, этот человек ни в чём не нуждался. Ему явно не было дела до щедрой награды, которую сулило поместье принца-регента.

— Это мы узнаем только тогда, когда твой брат полностью поправится, — вздохнул Фэн Бэйцэ.

— Очевидно, ему нужно нечто редкое и бесценное. И он прознал, что нашему поместью под силу добыть эту вещь. Но какова бы ни была его цена, ради спасения Янь-эра я готов пройти сквозь огонь и воду, подняться на гору мечей и спуститься в самое пекло.

— Папа, а может, этот старик и его спутник — сошедшие на землю небожители? — с благоговением спросил Цзыпин. — Ведь они буквально вырвали брата из когтей самого Владыки преисподней!

— Все эти сказки про божеств и подземных судей — пустые выдумки! — напустив на себя строгость, ответил Фэн Бэйцэ. — Вечно ты забиваешь голову всякой ерундой. Если твой отец-ван узнает, какие книжонки ты читаешь вместо канонов, он живо заставит тебя переписывать трактаты до седьмого пота. И даже не думай тогда умолять меня о пощаде!

Фэн Бэйцэ покачал головой, сетуя на нерадивость младшего сына. Цзыпин с детства не питал любви к серьёзным наукам, зато взахлёб читал простонародные байки и предания, отчего у его родителей то и дело раскалывалась голова.

Поняв, что его маленькая тайна раскрыта, Цзыпин заискивающе улыбнулся:

— Папа, ну согласись, когда брат поправится, он станет гордостью семьи, а меня можно будет избавить от этих мучений в Императорском учебном кабинете. Ты бы знал, какой зануда наш почтенный наставник! Только и делает, что цепляется к каждому иероглифу да изрекает заумные речи, от которых голова пухнет. Народные предания куда полезнее и понятнее!

Выслушав этот лепет, Фэн Бэйцэ окончательно опустил руки. Младший сын решительно отказывался братья за ум, оставаясь безнадёжным лоботрясом.

— Раз уж твоему брату стало лучше, завтра же как миленький отправишься на занятия, — отрезал Фэн Бэйцэ, решив больше не потакать капризам мальчишки. — Иначе, не дожидаясь возвращения твоего отца-вана, я сам запру тебя в библиотеке.

Он понимал, что Цзыпин вовсе не глуп — ему просто не хватало прилежания, а природную сообразительность он тратил на мелкие хитрости. Если взяться за него как следует и закалить характер, в будущем из него выйдет толк.

— Папа, пощади! Это же чистая пытка! — взмолился Цзыпин.

Фэн Бэйцэ ничего не ответил. Он присел на край постели старшего сына и долго, не отрываясь, всматривался в его бледное лицо. Сейчас он дорожил каждой минутой, проведённой рядом с Цзынянем. Через пять дней юноше предстоит покинуть родительский дом, и кто знает, когда они увидятся вновь? Сердце подсказывало Фэн Бэйцэ, что эта разлука затянется не на один год.

— Цзыпин, ступай к Мо Линю. Пусть немедленно отправит вестника к твоему отцу-вану. Он должен вернуться в столицу в течение пяти дней, чего бы ему это ни стоило.

— Я мигом! — отозвался Цзыпин и поспешно выбежал из комнаты.

Ань Шаоцин уже давно уехал на борьбу с разливом Хуанхэ, и Фэн Бэйцэ не знал, успеет ли супруг вернуться в столь короткий срок. Конечно, в отсутствие принца-регента вся власть в поместье переходила к его супругу, но в столь важном деле Фэн Бэйцэ отчаянно нуждался в поддержке мужа. Страх сковывал его душу. И всё же, даже если Ань Шаоцин не успеет, решение уже было принято: Цзыянь уедет со спасителями.

Отослав слуг, Фэн Бэйцэ остался у постели сына в полном одиночестве. Лишь когда водяные часы отмерили час Крысы, Цзыянь наконец зашевелился и медленно открыл глаза.

Он по-прежнему был слаб, но дыхание его выровнялось, а на бледных щеках появился едва заметный румянец.

— Папа... Я... я ещё жив? — прошептал Цзыянь.

Едва вернувшись с того света, юноша не верил собственным глазам, глядя на склонившегося над ним отца. В его душе смешались изумление и тихая радость. Днём, проваливаясь в беспамятство, он явственно ощущал, как его душа отделяется от тела и парит под потолком, со стороны взирая на плачущих близких. Но стоило ему приготовиться к вечному пути, как неведомая сила грубо потянула его обратно в брентную оболочку. Тогда у него не нашлось сил даже приоткрыть веки, и он вновь заснул — убаюканный далёкими, едва различимыми голосами, твердившими, что худшее позади.

— Дитя моё, ты очнулся! — Фэн Бэйцэ бережно приподнял сына, помогая ему опереться на своё плечо.

Взяв с прикроватного столика чашу с тёплым, только что сваренным отваром линчжи, он принялся осторожно, ложка за ложкой, поить юношу. Капли, стекавшие по подбородку Цзыяня, Фэн Бэйцэ бережно промокивал шёлковым платком. В тишине ночной опочивальни каждое его движение дышало бесконечной, щемящей нежностью.

— Как ты себя чувствуешь, Янь-эр? — отставив пустую чашу, Фэн Бэйцэ по-прежнему прижимал сына к себе.

В этот миг чувство вины острой иглой вонзилось в его сердце. Он внезапно осознал, как мало внимания уделял старшему сыну все эти годы. Почти вся его забота доставалась непоседе Цзыпину — Фэн Бэйцэ казалось, что мальчик, рано лишившийся родной матери, обделён теплом, и потому изо всех сил старался компенсировать эту утрату. Даже Ань Шаоцин не раз упрекал его в излишнем потакании младшему, но Фэн Бэйцэ упрямо поступал по-своему.

Он почти не интересовался успехами Цзыня в учёбе, забывал напомнить ему одеться теплее в осеннюю сырость или поднести чашу прохладного сливового отвара в знойный летний полдень. Фэн Бэйцэ привык считать старшего сына слишком взрослым и разумным, не требующим лишней заботы. И Цзыня действительно рос послушным и тихим — но лишь потому, что тяжёлый недуг с ранних лет лишил его детской беззаботности.

Как же горько теперь было Фэн Бэйцэ! Какая разница, что у Цзыня был любящий папа, если ласки он видел не больше, чем сирота Цзыпин? Да, всякий раз, когда у Цзыня случался очередной приступ, Фэн Бэйцэ бледнел от страха. Но он слепо верил, что возможностей принца-регента и опыта придворных лекарей хватит, чтобы раз за разом отбивать сына у смерти. Сегодняшний день показал, как жестоко он заблуждался.

Самое невыносимое заключалось в том, что Цзыня никогда ни в чём его не упрекал. Напротив, он лишь кротко улыбался и повторял: «Диди родился раньше срока, его здоровье слабо. Совершенно естественно, что папа заботится о нём больше».

— Папа, уложи меня обратно, — тихо проговорил Цзыня. — Уже так поздно, тебе нужно отдохнуть.

Юноша с грустью заметил, каким утомлённым и осунувшимся выглядело лицо отца. Неужели он так сильно напугал его сегодня? И всё же на сердце у Цзыня потеплело. Папа действительно любит его. Ради этого чувства стоило пройти сквозь любые муки.

Где-то в самой глубине души Цзыня вдруг осознал горькую правду: все эти годы он отчаянно завидовал младшему брату, родившемуся раньше срока. Он уверял себя, что сама возможность жить — уже величайший дар, и требовать большего грешно. Но ревность, оказывается, жила в нём тайно, сокрытая даже от него самого.

— Я не устал, — мягко ответил Фэн Бэйцэ. — А вот тебе нужно набираться сил. Засыпай, мой хороший.

Он бережно уложил Цзыня на подушки и поправил плотное одеяло. Стояло душное лето, но тело юноши круглый год оставалось ледяным, словно его только что достали из глубокого погреба. Зимой же этот холод становился и вовсе невыносимым.

Цзыню хотелось как можно дольше продлить эти редкие мгновения отцовской нежности, но изнурённое болезнью тело требовало покоя. К тому же по венам уже разливалось усыпляющее тепло целебного отвара линчжи. Веки юноши отяжелели, и он погрузился в глубокий, безмятежный сон.

Фэн Бэйцэ так и остался сидеть у постели. Дворецкий Линь и Мо Линь заглядывали в опочивальню несколько раз, тихо умоляя господина лечь поспать, но он лишь молча отмахивался от них. Пять дней — слишком ничтожный срок. Разве мог он сейчас тратить драгоценное время на сон, зная, что вскоре расстанется с сыном?

Цзыянь спал чутко, но ровно. Фэн Бэйцэ всматривался в его черты, вспоминая, каким крошечным тот пришёл в этот мир. А теперь сын вырос, да и сам Фэн Бэйцэ давно миновал тридцатилетний рубеж.

Пальцы отца нежно скользнули по тёмным прядям волос. В неверном, дрожащем свете свечи среди иссиня-чёрного шёлка вдруг блеснули тонкие серебряные нити. Юноша был ещё так молод, а в его волосах уже угнездилась седина — верный знак того, как безжалостно болезнь точила его жизненные силы изнутри. Сердце Фэн Бэйцэ сжалось от новой волны раскаяния: он ведь ни разу этого не замечал.

Эта ночь принадлежала лишь им двоим. Один тихо спал, избавляясь от боли, другой безмолвно оберегал его покой. Лишь когда с улицы донёсся глухой, мерный стук колотушки ночного стража, возвестивший четвёртую стражу, усталость окончательно сморила Фэн Бэйцэ. Он тихо склонил голову на край постели и заснул рядом с сыном.

В спальне воцарился хрупкий, благословенный покой.

<http://bllate.org/book/18341/1768118>